

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

На соискание
Государственной премии СССР

Василий Белов стал известен широкой литературной общественности во второй половине шестидесятых годов, а точнее в 1967 году, после публикации в журнале «Север» повести «Привычное дело». Эта повесть стала явлением не только в творчестве писателя, но и во всей советской литературе конца шестидесятых — начала семидесятых годов. Трудно назвать другое произведение тех лет, о котором так много, так горячо писали бы критики, которое бы так дружно поддержали крупные мастера слова — Александр Твардовский, Евгений Носов, Виктор Астафьев и еще многие. С тех пор читателям крепко запомнилась заботливая внимательность Василия Белова к жизни, его сыновья пристальность во взгляде на родную землю и на людей, ее населяющих, бескомпромиссная честность его авторской позиции.

«Героев Белова нынче не так уж легко и найти, но он их находит, еще труднее применить к ним — в любом случае людям современным — приемы письма, в какой-то мере свойственные еще Лескову, но Белов их применяет, эти почти что лесковские беседы, плотников, например», — писал в своем послесловии к одной из книг Белова Сергей Залыгин. Да, Василий Белов традиционен в лучшем смысле этого слова как по языку своих произведений, так и по сути — он верен традициям великой русской литературы. Высокая культура письма, ясность мысли и художественная зоркость помогают писателю, вернее дают ему возможность видеть и находить интересное там, где другие не видят и не находят. Если прибавить к этому высокую гражданственность, свойственную таланту Василия Белова, острую социальную направленность его произведений, то станет ясно, почему сегодняшняя русская литература практически немислима без рассказов этого мастера.

Новая книга Белова «Воспитание по доктору Споку» («Современник», 1978) складывалась исподволь, отдельные ее части — «Плотничьи рассказы», «Моя жизнь», «Воспитание по доктору Споку», «Свидание по утрам», «Чок-получок» — в разное время печатались в журналах и читались как самостоятельные произведения.

Автор сложил вместе все перечисленные выше произведения и оказалось, что они составляют цельную книгу — без сквозного сюжета, но с единым главным героем — неким Константином Платоновичем Зориным, выходящем из северной деревни, а ныне пролабом на городской стройке, много повидавшим, прочувствовавшим, во многом разувевшимся, но все еще полным жизненных сил и надежд.

Теперь, когда отдельные повести и рассказы сложились

в книгу, они приобрели значение глав и, хотя в какой-то степени потеряли самоценность, зазвучали по-новому, как бы в хоре, дополняя друг друга и помогая читателю лучше почувствовать не только многозвучность жизни, но и объемность характера главного героя.

Кто же он — Константин Зорин? Чем живет, эдак, сорокалетний мужчина?

Отец Константина Зорина погиб на войне, мать прожила всю жизнь в родной деревне. Сам Зорин, едва достигнув отроческих лет, «поступил в школу ФЗО учиться на плотника», уехал в город. «Тогда я ликовал: наконец-то навек распрощался с этими дымными банями. Почему же теперь мне так хорошо здесь, на родине, в безлюдной деревне? Почему я чувствую ли не через день топлю свою баню? Странно, так все странно и неожиданно...» — думает Зорин, приехав в отпуск в родную зимнюю деревню, в обезлюдевший отчий дом. О многом думает Зорин на досуге, многое вспоминает, слушая одинокими ночами «как по древним бокам сосновой хоровины бьют полотнища влажного мартовского ветра».

Многое приоткрывают ему беседы с деревенскими стариками Олешей Смолиным и Авинером Козонковым, вся жизнь которых с малолетства прошла в постоянной дружбе-вражде. Совсем разное вспоминают и по-разному смотрят на прошлое честный труженик, чистая душа Смолин и проходимец Козонков, до старости проскакавший дурником на одной ножке, то ворует мирские рубли из-под углов строящейся церкви, то мордуя своих земляков «директивной, проедуркой, дисциплинкой», жестоко вымещая на них свои мелкие обиды и ущемленные амбиции. Контрастность фигур стариков придает особую глубину тому фону народной жизни, на котором проходят размышления главного героя «Плотничьих рассказов», открывающих эту книгу.

Константин Зорин приехал в родную деревню в столь неоптимальное время не от хорошей жизни, а потому что ему захотелось прийти в себя после скандалов в семье, осмыслить свое городское бытие, захотелось насладиться одиночеством. Деревня не обманула его ожиданий. Он как бы очистился, приготавливаясь к дальнейшей жизни. Но она же, деревня, и заронила в душу сомнение: а правильно ли он поступил однажды, уехав из нее навсегда? Ведь фактически и к городу он не пристал и для родных мест, для своих земляков — отрезанный ломоть. Вот поют почти примиренные старостью, размягченные вином старики Олеша и Авинер старинную протяжную песню, а он, Зорин, не может подтянуть — не знает ни слова из этой песни...

Не довелось жить в родных местах, не довелось жениться на любимой в юности Татьяне. Случись это, может быть, тогда все было бы по-другому? Может быть... Хотя Татьяна, от лица которой написана следующая глава книги — повесть «Моя жизнь», мало чем отличается от зоринской жены Антонины. Автор осуждает и Татьяну, и Антонину за их нелепые представления об эмансипации, которая — по их понятиям — состоит в том, чтобы делать все наперекор мужу, каждую минуту видеть в нем противника, а не друга, не главу семьи.

В библиотекарше Антонине Зориной, которую, что называется, «шибанула культура», есть что-то от гоголевских персонажей. В своих отношениях с женой Зорин то слишком мягок, то слишком груб — он любит Антонину и поэтому особенно раним, но разве это оправдание? Ведь он муж, мужчина, и Антонина не отняла у него права главы семьи, фактически он ей сам их отдал, проявляя леньность души, отлынивая от воспитания чувств — своих и Антонины. А пострадала больше всех от этого их маленькая дочь Лялька, которую любит Зорин беззаветно, но любовь эта оказывается «в пустой след», как и его позднее мужество в рассказе «Чок-получок».

Зорин отличный работник, его ценят (начальник стройуправления Кузнецов, не задумываясь, рвет зоринское заявление об уходе, к которому того вынудили после «сигнала» Антонины в партком), он добр в мужестве. Но Белов не был бы Беловым, если бы он не показал читателям и того, как копится озлобление в душе его героя, как от семейных обид, от того, что его не понимает жена, ему начинает казаться, что таковы все внешние женщины, он начинает судить о них огульно.

Автор далек от идеализации своего героя, он смотрит правде в глаза и призывает к этому тех, кто прочтет его книгу. Воспитание чувств — вот ее главная тема. Писатель никого в отдельности не обвиняет и не клеймит (тут не нужно путать его с лирическим героем), он предостерегает от возможной коррозии души. Мы как бы слышим его обращение к нам: «Задумайтесь! Не отравляйте дни друг друга так, словно в запасе у каждого из вас еще пять жизней. Воспитывайте прежде всего самих себя, свои чувства».

Нет сомнений, что вопросы, затронутые Василием Беловым в его новой книге, имеют широкое общественное значение. Писатель глубоко озабочен утверждением норм коммунистической нравственности и морали, успешным решением задач воспитания нового человека.

Вацлав МИХАЛЬСКИЙ.

ПРАВДА
МОСКВА

29 ИЮН 1980